

DOI 10.23859/2587-8344-2017-1-3-1
УДК 329(410)

Игорь Никифорович Тяпин

Доктор философских наук, кандидат исторических наук,
профессор
Вологодский государственный университет
Вологда, Россия
i.n.tyapin@mail.ru

Отражение внешнеполитического положения России в отечественной геополитической мысли: история и современность

Аннотация. В статье исследуется проблема становления и эволюции российской геополитической школы как реакции на глобальные внешнеполитические процессы, постулаты которой, в свою очередь, выступают надежной концептуальной основой для формулирования современной геостратегии Российской Федерации. Важность применения геополитической методологии вытекает из ее связи с принципами системного подхода, современной научной рациональности, единства теоретического и эмпирического. Прослеживается историческая эволюция российской геополитики в рамках периода XIX – начала XXI в., ее концептуальная преемственность и динамика идей. Доказывается, что фундаментальным принципом российского геополитического идеала выступает защита своего геополитического пространства от давления атлантистской цивилизации ради достижения справедливого социального устройства, национального возрождения и нравственного преобразования человечества. Необходимость нового геополитического восстановления России для эффективного противостояния давлению субъектов глобализма предполагает реализацию имперской модели нового типа и последовательное решение задач интеграции постсоветского пространства, формирования очагов геополитического контроля в пространстве Восточного и Западного полушарий, создания Евразийского континентального блока для восстановления межцивилизационного баланса.

Ключевые слова: геополитика, национально-государственная идея, геополитический цикл, геополитическое сознание, евразийство, монархический традиционализм, социал-традиционализм, антиглобализм, справедливое государство, геополитическое восстановление

Введение

Главными особенностями современных международных отношений являются: тенденция к ужесточению условий выживания государств, повышение накала конкуренции между цивилизациями, приближение к «точке бифуркации» утверждения в качестве доминирующей в мире модели социального устройства либо либерального тоталитаризма, либо модернизированного национального авторитаризма. Политические, социокультурные и экономические изменения, имеющие место в современном мире, вовлекают фактически все без исключения страны в глобальную трансформацию существующего миропорядка. В этих условиях императивным принципом выживания является сохранение цивилизационной идентичности. Для России сегодня это становится одной из центральных проблем, определяющих вектор ее развития, ее конечные цели, а также стратегию и тактику их достижения. Наша страна находится в ситуации беспрецедентного политического и экономического давления, инструментом которого является теория и практика репрессивных социальных проектов и гибридных войн, нацеленных на разрушение или переформатирование наций, государств, образованных не по проекту США и его сателлитов.

В теоретическом плане достижение цели сохранения цивилизационной идентичности требует применения в качестве методологического принципа системного подхода, подразумевающего в т.ч. синтез научной и вненаучной (в т.ч. идеологической) рациональности. Идеология выступает как объективный фактор государственного бытия, как *форма самосознания народа на стадии государственности*, призванная быть основой национально-государственной идентичности, охранять собою преемственность национально-исторического бытия¹. Сегодня как никогда насущной необходимостью выступает консолидация научных, политических, экономических и других ресурсов с тем, чтобы осуществить определенный прорыв в сфере не только национальной экономики и социальных отношений, но и духовной культуры, от чего будет зависеть эффективность всего механизма обеспечения национальной безопасности.

Геополитика представляет собой пример наиболее органичного соединения собственно научного знания и идеологических построений, теории и практики. Геополитические доктрины выступают прямым выражением национальных идей, национально-государственных идеологий. Геополитика – это не только научная дисциплина, но и часть идеологической доктрины, имеющейся в явном или неявном виде у любого государства. Эту часть можно также называть *геостратегией* – выбором направлений внешнеполитической деятельно-

¹ Молотков А.Е. Миссия России. Православие и социализм в XXI веке. СПб., 2008. С. 23.

сти. Геостратегия государства зависит от понимания руководством страны национальных интересов и приоритетов, характера и географического распределения угроз безопасности страны, которые исходят из-за рубежей. Там, где нет жизнеутверждающей национально-государственной идеи, нет и геостратегии (равно как и наоборот). По словам В.Л. Цымбурского, обосновавшего определение геополитики как проектного политического мировидения и проектной политической деятельности, «геополитика начинается там, где налицо – пусть в замысле или в умственной модели – волевой политический акт, отталкивающийся от интенций, усмотренных в конкретном пространстве. И интересуют ее только такие пространственные структуры, которые мыслятся как субстраты, орудия и проводники порождаемых ею политических планов»².

Геополитический подход объективно имел громадное значение для определения целей внешней политики России в прошлом и настоящем. Как указывает А.И. Фурсов, «в русской истории пространство играет особую роль. По сути, именно оно (количество и качество, т.е. как тип ландшафта) – одно из главных, если не главное, богатство (и оружие) русских. И уж точно главная русская субстанция, по поводу которой складываются властные и социальные отношения. С этой точки зрения защита русского пространства есть автоматически защита властной и социальной организации – и наоборот»³. Действительно, *континентальное евразийское ядро* оставалось единым целым, какой бы ни была приписываемая ему роль в глобальной геополитической системе. Это свидетельствует о существовании некоторых фундаментальных свойств его геополитического положения. Ключевые черты такого региона – центральность и труднодоступность к морским коммуникациям. «В мире в целом, – писал Х. Маккиндер, – Россия занимает центральную стратегическую позицию... Она может наносить удары во все стороны; со всех сторон, кроме севера, может получать удары... Любая возможная социальная революция не изменит отношение России к географическим условиям ее существования»⁴. Это отношение вытекает из извечного и органического стремления обрести выходы к морским побережьям, особенно незамерзающих морей: на севере – к Балтийскому и Баренцеву, на юге – Черному, на востоке – к Великому океану. Среди наиболее неизменных геополитических императивов России – ее положение на стыке разных культурных миров: земледельческого и номадического, европейского и азиатского, христианского и мусульманского, католического и православного.

² Цымбурский В.Л. Геополитика как мировидение и род занятий // Полис. 1999. № 4. С. 14.

³ Фурсов А. Русский ковчег. Известный историк о будущем России // Завтра. 2007. № 5.

⁴ Mackinder H. The Geographical Pivot of History // Geographical Journal. 1904. Vol. 23. P. 430.

Исторически геополитика развивалась преимущественно в русле англосаксонской (Х. Макиндер, А. Мэхен Н. Спайкман) и германской (Ф. Ратцель, Р. Челлен, К. Хаусхофер) научных школ. Уже «классические» построения западных школ, с их идеологией «господства над миром», «расширения жизненного пространства», «глобального доминирования», «стратегии анаконды» и т.п. выступают очевидным выражением агрессивного эгоизма, торжества антиценностей. Вытекающие из них всевозможные «планы» в отношении России (план Э. Хауза, план А. Даллеса, Гарвардский и Хьюстонский планы, идеи С. Хантингтона, З. Бжезинского и др.), тождественные по всем ключевым пунктам, предполагают изоляцию нашей страны, отпадение от ее территории важных в экономическом и геополитическом отношениях регионов, раскол оставшегося пространства на множество локальных образований, сокращение *на порядок* численности населения и перепрограммирование сознания экономически необходимой рабсилы.

Распространено мнение о том, что беды России последнего столетия вызваны «геополитической малограмотностью» и индифферентностью, так что правительства, владеющие геополитическими методиками, обыгрывают нас на международной арене. Однако российская мысль имеет собственную (правда, зачастую игнорируемую властью) геополитическую традицию, основанную на глубокой нравственно-метафизической позиции и вместе с тем на трезвом анализе реальных долговременных тенденций мировой политики, вызовов, которые России приходилось (и приходится) принимать. Ситуация системного кризиса и необходимости адекватных ответов на глобальные вызовы стимулировала не только осмысление геополитической истории и современного состояния России с позиций обеспечения национальной безопасности и стратегических интересов (работы И.Ф. Кефели, М.В. Ремизова, В.В. Денисова, Н.С. Розова, А.С. Владыцкого, Л.Г. Ивашова, Н.В. Лукьяновича и др.), но и понимание важности обращения к наследию российской геополитической мысли и его современным трансформациям, что стало актуальной темой исследований ряда отечественных философов и политологов⁵. Результаты работы предполагают ныне необходимость перехода к следующей ступени, а именно: целостному осмыслению установок и идеалов российского геополитического сознания в его ди-

⁵ См. напр.: Аксенов К.Э. Идеи Л.Н. Гумилева и современная российская геополитика // Этнографическое обозрение. 2006. № 3; Работяжев Н.В. Историософия и геополитика российского консерватизма: опыт анализа // Политика: анализ, хроника, прогноз. 2007. № 2; Якунин В.И. и др. Российская школа геополитики. СПб., 2008; Гердт Я.В. Истоки российской геополитики // Евразийский журнал региональных и политических исследований. 2012. № 12; Клименко А.Н. Влияние идеи «Москва – Третий Рим» на российскую геополитику XIX – XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2014.

намике и в контексте истории международного положения и внешней политики России.

В связи с этим *целью* работы становится рассмотрение истории становления и эволюции российской геополитической школы как реакции на глобальные внешнеполитические процессы, угрозы и вызовы в мире, наработки и постулаты которой в свою очередь выступают адекватной концептуальной основой для формулирования современной геостратегии Российской Федерации.

Основная часть

До начала формирования собственно геополитики в России у нее имелись предшественники, среди которых в XVIII в. выделяется М.В. Ломоносов (трактат «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию» и другие сочинения), а в первой половине XIX столетия – мыслители славянофильской и охранительной школ, заложившие основы т.н. Русской идеи. Выработанные ими категории «соборности», «народности» дали толчок пониманию роли общинного строя как этнопсихологической основы России. Осознав же особенность России в мире, консерваторы осознали и неизбежность ее противостояния Западу, того, что противоречия между Россией и Западом на уровне цивилизационных принципов имеют неразрешимый характер, провозгласив тезис о возможности (и обязанности) для России стать духовно-политическим лидером человечества.

Отцом российской геополитики принято считать военного министра эпохи Александра II Д.А. Милютин, оформившего в 1840–50-х гг. в качестве самостоятельной науки т.н. *военную географию*. Милютин определил геополитические приоритеты России, считая ее основным противником Британскую империю. Для поддержания равновесия в Европе и на Ближнем Востоке, по его мнению, нужен был военно-политический союз России и Германии. В Средней Азии Милютин сделал все для подчинения Туркестанского края, что давало возможность угрожать Индии – основе могущества Британской империи и одновременно ее ахиллесовой пяте. Турок, по его мнению, нужно было изгнать из Европы и создать Балканскую конфедерацию под общим покровительством континентальной Европы, а проливы должны получить нейтральный статус. Персия и Китай получали бы гарантии Российской империи от всех превратностей английской политики⁶. В результате просчитанный геополитический ход – занятие Туркестана – нейтрализовал Англию. Военный союз с Германией дал последней возможность разгромить Францию и тем лишил ее возможности вмешаться в балканские дела. Ситуация Крымской войны не повторилась. Од-

⁶ Морозов Е.Ф. Последний фельдмаршал // Русский геополитический сборник. 1997. № 2. С. 36.

нако извлечь выгод из этой победы России не удалось. Уступки, сделанные на Берлинском конгрессе (вместо того, чтобы брать Стамбул и устанавливать в балканских государствах подконтрольные режимы), стали преступным просчетом, показавшим западническую слепоту и безыдейность высшей власти. *Контроль над преимущественно славянскими, православными Балканами сделал бы Россию на века хозяином Римленда.* Вместо этого Балканы превратились в регион, необратимо контролируемый Западом.

1860–70-е гг. стали временем, когда во внешней политике России панправославие оказалось дополненным панславизмом. Как геополитическая доктрина панславизм нашел отражение в разработанном Н.Я. Данилевским проекте Всеславянской православной Федерации, где Россия выступает движущей силой, ибо единственная из всех славянских народов «свои великие вселенские решения, которые становятся законом жизни народов на целые века, Россия решает сама, без всяких посредников, окруженная громом и молниями, как Саваоф с вершины Синая»⁷. Причем объединение должно совершиться таким образом, чтобы «славянские ручьи не сливались в русском море», т.е. *все славяне должны сохранить свое национальное своеобразие, политическую и культурную независимость.* В качестве политического центра такой федерации Данилевскому виделся Царьград-Константинополь.

В рамках *морфологического* методологического принципа Н.Я. Данилевский показал, что культурно-исторические типы принципиально не смешиваются и изменяются только в исторических масштабах, основываясь на этнических качествах, выработанных ландшафтом и историческим развитием (то, что позднее Юнг именовал «архетипом»). Анализируя отношения России со странами Европы, мыслитель отмечал, что они чаще всего были неравными и невыгодными для России. История, справедливо утверждал он, учит, что экспансия с Запада – явление постоянное. Для безопасности России и всего славянского мира, по убеждению Данилевского, нужно уметь добиваться разобщенности целей Англии, Франции, Германии, Австрии – их объединение всегда опасно для русских и всех славян.

Генерал Р.А. Фадеев выдвинул гипотезу единого центра концептуального управления миром и впервые предложил методы геополитического противоборства. Корень восточного вопроса заключается для него в исконных усилиях германской расы подчинить и онемечить славянство; отсюда необходимость объединения разрозненных славянских племен под главенством России и неизбежность энергичной русской политики, направленной главным образом против Австрии⁸. Мысль о борьбе с коалицией западных держав – Австрии, Прус-

⁷ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1995. С. 254.

⁸ Фадеев Р.А. Мнение о Восточном вопросе. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/Ф/fadeev-rostislav-andreevich/kavkazskaya-vojna/6>.

сии и Англии – нисколько не смущала генерала, известного также и в качестве геополитического практика, организатора панславянского движения, военного советника в египетской и черногорской армиях, командующего сербской армией в 1876 г.

Радикальный консерватор К.Н. Леонтьев перенес акцент на анализ исторической связи России с византийской цивилизацией и на ближневосточные аспекты ее внешней политики, призывая отрясти «романо-германский прах с наших азиатских подошв». Леонтьев, в отличие от основателей славянофильства, сделал вывод о том, что большая часть славянства уже необратимо ушла в деградирующую западную цивилизацию, в ряды врагов России – единственного цивилизационного субъекта, потенциально способного (и обязанного) явить миру новый, высший тип цветущей культуры. «Россия – не просто государство; Россия, взятая во всецелости со всеми своими азиатскими владениями, это целый мир особой жизни, особый государственный мир, не нашедший еще себе своеобразного стиля культурной государственности», – писал он, призывая к развитию «своей собственной, оригинальной, славяноазиатской цивилизации» с центром в Константинополе, полностью отличающейся от цивилизации европейской с ее торжествующим мещанством. «Царьград, – утверждал Леонтьев полтора века назад, – есть тот естественный центр, к которому должны тяготеть все христианские нации, рано или поздно... предназначенные составить с Россией во главе великий восточно-православный союз»⁹. «Будут тогда две России...: Россия – империя, с новой административной столицей (в Киеве) и Россия – глава Великого Восточного Союза с новой культурной столицей на Босфоре»¹⁰, – мечтал консервативный мыслитель, не видя в создании колоссального царства на манер империи Македонского ничего утопического.

Внешняя политика Александра III (в русле которой неудачно пытался действовать и Николай II), состояла в отказе от конфликтов с европейскими державами во имя прочного закрепления своих позиций в Средней Азии, Восточной Сибири и Дальнем Востоке. По этой причине милютинское направление геополитической мысли стало на рубеже XIX–XX столетий основным, дав немало примечательных имен (В.Ф. Головачев, А.И. Воейков и др.), среди которых особое внимание заслуживает фигура В.П. Семенова-Тян-Шанского.

Природу мирового господства и экспансии Тян-Шанский-младший объяснял в контексте синтеза морских и континентальных частей Земного шара. Прежняя интерпретация глобального могущества государств, опирающаяся только на тезис британских географов о дихотомии и извечном противостоянии Суши и Моря, представлялась ему упрощенной и односторонней. Тян-Шанский

⁹ Леонтьев К.Н. Храм и Церковь. М., 2003. С. 146.

¹⁰ Там же. С. 210.

выделил три формы «территориальных систем политического могущества», существовавшие в истории: 1) кольцеобразную систему (Средиземноморье под властью Римской империи, Византии, Османской империи и др.); 2) клочкообразную систему (разбросанные по морям и океанам отдельные острова и куски материков – колониальные империи Испании, Португалии, Голландии, отчасти – Англии), которая приводит к довольно быстрому истощению сил метрополии; 3) систему «от моря до моря». Наибольшее внимание ученый уделил системе господства «от моря до моря», которую, по его мнению, впервые реализовал А. Македонский, а в Новое время повторили Россия и США. Главным недостатком данного типа системы является растянутость территории и неравномерность расселения. В ситуации с Россией угрозы для существования ее как территориальной системы создает ослабленный восточный конец, вклинивающийся между климатически суровыми территориями севера Азии и «исконными землями обширного государства многомиллионной желтой расы».

Выходом для России В.П. Семенов-Тян-Шанский считал увеличение численности населения и экономическое развитие географического центра территории. Тогда крайняя восточная часть приблизится сама собой на несколько тысяч верст к средней части государства и гораздо успешнее сможет выдержать борьбу с внешним врагом. Целостность Российского государства предполагает перестройку дуалистического географического представления, согласно которому, государство искусственно делят Уральским хребтом на Европейскую и Азиатскую части¹¹. По мнению Семенова-Тян-Шанского, на пространстве между Волгой и Енисеем от Ледовитого океана до самых южных граней государства следует выделить Русскую Евразию как культурно-экономическую единицу, равноправную Европейской России. Сдвинуть культурно-экономический центр к истинному географическому центру можно двумя способами: либо перенести столицу (например, в Екатеринбург), либо образовать новые колонизационные оазисы – культурно-экономические очаги (Байкальскую, Алтайскую и др.). При этом ученый выступал против административно-территориальной федерализации России как, безусловно, губительного для нее пути.

Немалый вклад в копилку геополитической мысли внес И.А. Ильин, идеи которого (стимулированные противоборством нашей страны в двух Мировых войнах) в этом плане перекликаются с теорией «отца» западной геополитики Р. Челлена. Как и последний, Ильин считал, что государство, страна с ее населением является «живым организмом». Россия складывалась веками не как «механическая сумма территорий» и «случайное нагромождение территорий и племен», а как не подлежащее произвольному расчленению органическое един-

¹¹ Семенов-Тян-Шанский В.П. О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк по политической географии // Пространственная экономика. 2008. Вып. 2. С. 145.

ство, в формировании которого решающую роль играет земля, географическая среда. По этому поводу он пишет: «С первых же веков своего существования русский народ оказался на отовсюду открытой и лишь условно делимой равнине. Ограждающих рубежей не было; был издревне великий «проходной двор», через который валили «переселяющиеся народы», – с востока и юго-востока на запад. Поэтому Россия была организмом, вечно вынужденным к самообороне»¹². Ильин, определяя Россию как «географический организм больших рек и удаленных морей», считал вполне нормальной политику русских государей, заключающуюся в том, чтобы выйти к морям и «ногою твердой стать при море», овладеть низовьями рек. Отмечая, что «Россия... есть сущий оплот европейско-азиатского, а потому и вселенского мира и равновесия»¹³, Ильин особо подчеркивает, что попытки расчленения ее организма всегда были причиной и симптомом всеобщего кризиса. В Новейшее время, по его мнению, в этот процесс будет втянута вся Вселенная, *распри и гражданские войны в России будут постоянно перерастать в мировые столкновения*, державы всего мира будут вкладывать свои деньги, интересы, стратегические расчеты во вновь возникшие малые государства и станут соперничать друг с другом, добываясь преобладания «опорных пунктов».

Евразийцы (Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Н.Н. Алексеев, Г.В. Вернадский, Л.П. Карсавин и др.) первыми в отечественной мысли стали использовать само понятие «геополитика». В отличие от предыдущих поколений русских философов евразийство сделало образы пространства основным углом зрения, помогающим лучше понять Россию как «организм естественного размера» на фоне иных цивилизаций. Уместно процитировать П.Н. Савицкого, писавшего: «Смычка географии с историософией подразумевает наложение на сетку географических признаков сеток признаков *исторических*, которыми характеризуется Россия-Евразия как особый исторический мир»¹⁴.

Евразийцы восприняли открытие Х. Макиндера о центральной оси истории и переработали его категорию «Сердца Земли» в понятие «Евразии в узком смысле» (в современной терминологии – «исторической Евразии») в отличие от «Евразии в широком смысле слова» (сейчас – «Евразии географической»). Под «Евразией в узком смысле слова» понимается степная зона, протянувшаяся от Большого Хингана до Среднедунайской равнины, события в которой, по Х. Макиндеру, определяют судьбы мира («Степная полоса – становой хребет истории»). Это и есть *место развития* (евразийский термин) Континентальной цивилизации, во всех своих основах противоположной цивилизации Океанской (европейской, романо-германской). Границы евразийского месторазвития в ос-

¹² Ильин И.А. Наши задачи. Собр. соч. Т. 2. Кн. 1. М., 1993. С. 297.

¹³ Там же. С. 326–327.

¹⁴ Мир России – Евразия. М., 1995. С. 229.

новном совпадают с границами Российской империи и СССР, что не является случайностью. Это естественные границы евразийского культурно-исторического типа.

Учитывая, что главным стимулом развития России, как правило, выступала внешняя угроза, евразийский проект предполагал отказ от подражания во всех сферах жизни, идею доктринального синтеза, т.е. сочетания открытости и динамизма с традицией и консерватизмом, где экономические формы и инструменты (автаркия, многоукладность, предпринимательская инициатива) должны служить развитию науки и искусства, укреплению социальной солидарности и обороноспособности страны.

В связи с событиями Второй Мировой войны повышающая волна геополитического цикла выводит к концу 1940-х – началу 1950-х гг. нашу страну на высший в ее истории геополитический максимум. Произошло постепенное восстановление позиций российского государства в форме СССР и под флагом коммунизма. Советский Союз, отрицая геополитику, вместе с тем был весьма геополитичен; в советский период сохранялась мессианская, идеалистическая сущность внешней политики страны, но на иной идеологической основе. Коммунистическая идеология, с одной стороны, позволила совершить гигантский геополитический рывок, но она же стала миной замедленного действия, подавив русское национальное самосознание и обосновав создание разного уровня полугосударственных образований, могущих стать суверенными. При И.В. Сталине на всем протяжении границ Хартленда была создана система лимитрофных государств, служившая «своим» санитарным кордоном. СССР – один из двух центров двухполярной системы. Советская супердержава существовала в своих исторических границах как интегрированное и защищенное геополитическое пространство. Более того, СССР в 1960–70-х гг. проявляет активность в поясе «внутреннего» и «внешнего полумесяца» (Египет, Сирия, Лаос, Йемен, Мозамбик, Эфиопия, Ангола, Афганистан). Реального эффекта для усиления геополитической безопасности эти действия не принесли, поскольку не опирались ни на экономический прагматизм, ни на стратегию (в отличие от американской «петли анаконды», когда в береговой зоне Евразии (за исключением Индии) были созданы военные блоки НАТО, СЕАТО и СЕНТО и многочисленные военно-морские базы). Эта система воплотила в себе самые смелые проекты русских царей и геополитиков, но скоро утратила историческую динамику, так как объединяла слишком разнородные в социально-культурном и политико-идеологическом отношении государства, ментальность населения которых трансформировала коммунистическую идеологию. СССР был империей наоборот (когда периферия во многом живет за счет метрополии), а таковая долго существовать не могла.

Сужение российского геополитического пространства после краха СССР, возникновение качественно нового характера и состояния межгосударственного разграничения в виде «ближнего» и «дальнего» зарубежья. Будучи оттеснена в северо-восточную часть Евразии, «независимая» РФ лишилась части выходов в мировой океан, важнейших коммуникационных путей, связывающих ее с Западом и Югом. Резко уменьшились ее ресурсная база, производительная мощность и финансово-экономический потенциал. Россия оказалась окруженной государствами, находящимися под влиянием США и ее союзников по НАТО, создающих на их территории военные базы. Чтобы диктовать свои условия России и свести к нулю ее геополитическое влияние, Западу нужна слабая и раздробленная страна, вытесненная на «обочину истории». Прежняя «стратегия анаконды» предполагает ныне постепенное сжимание петли на всем пространстве бывшего Советского Союза. Уже в «нулевые» ожидалось расчленение России по аналогии с СССР и превращение осколков российской государственности в колониальное экономическое пространство.

Идеологическое обоснование этой программы включало в себя несколько основных пунктов, из которых важнейшие: 1) презумпция виновности России как несправимо империалистического государства, несущего угрозу стабильности Европы и мира (в отличие от якобы пост-имперского Запада); 2) тезис о том, что время империй вообще закончилось (игнорируя то неоспоримое обстоятельство, что США, европейский союз, ТНК – все это варианты и модели «империи нового типа»); 3) призыв к «объективно необходимому» в связи с экономическими трудностями отказу от всяких внешнеполитических амбиций и геополитических притязаний, во имя сосредоточения сил и внимания исключительно на внутренних проблемах; 4) оперирование «объективным» законом, состоящим в том, что интенсивное расширение ареала проживания народа порождает и консервирует экстенсивные формы хозяйствования и экономической жизни в целом, что существенным образом негативно сказывается также на культурном и политическом развитии страны¹⁵.

В такой внешнеполитической ситуации совершенно закономерной выглядит деятельность по возрождению отечественной геополитической школы, которую начали в 1990-х гг. в рамках общественного Института геополитики А.Г. Дугин, А.М. Анисимов, С.А. Шатохин и др. Внешнее название учения – **неоевразийство**, а собственное – **континентальная («цивилизационная») школа**. В заданном направлении действовали также В.В. Кожинов, В.В. Малявин, А.С. Панарин, В.Я. Пашенко и др. Неоевразийство разработало в контексте Русской идеи геополитический вариант концепции, притязающей на роль ва-

¹⁵ *Макеев А.В.* Геополитический путь России в координатах безопасности // Пространство и время. 2010. № 2. С. 109.

лидной теоретической основы при разработке геостратегии современной России.

Необходимость преодоления кризиса общества и государства стала главной причиной творческого, посредством обращения к идеям и концептам Х. Маккиндера, К. Хаусховера, немецких «консервативных революционеров» Э. Юнгера, К. Шмитта и др., освоения неоевразийцами наследия патриотической мысли, использования выработанных Л.Н. Гумилевым концептов «пассионарность» и «суперэтнос». Ориентация на *стратегию национального антиглобализма*, стремление к достижению строя «демотической идеократии», многополярности, цивилизационно-исторической контекстуализации экономической деятельности в целом может обеспечить ту полноту социального бытия, о которой А.С. Панарин писал следующее: «Цивилизационный процесс имеет два взаимосвязанных аспекта: инструментально-прагматический, инфраструктурный, призванный обеспечить единое экономическое, информационное, правовое пространство, и духовно-ценностный, призванный сообщить этому пространству высший сакральный (ценностный) смысл»¹⁶. Миссия России, – считал Панарин, – заключается в осуществлении евразийского цивилизационного проекта, иными словами, созидании евразийской цивилизации на постсоветском пространстве: «Русская идея в Евразии была связана с мессианизмом, готовностью взять на себя груз ответственности за состояние этой части ойкумены, разделить бремя существования с дружественными народами, сообща строить будущее»¹⁷. Вместе с тем он надеялся, что евразийский проект может стать для всего незападного мира консолидирующей силой в его сопротивлении глобализму.

Наиболее развернутым вариантом геополитики неоевразийства стала концепция новой Евразийской империи, разработанная А.Г. Дугиным. Подобно М.Н. Каткову, переносившему гегелевскую историософскую концепцию на российскую действительность, Дугин пишет следующее: «Гегель развил интересную концепцию, что Абсолютная идея в эсхатологической ситуации должна проявиться в окончательном, «осознанном» виде в форме прусского государства. Однако в планетарном масштабе Пруссия, и даже Германия, взятые отдельно, геополитически недостаточны... Россия же, Третий Рим, и религиозно, и культурно, и пространственно, и стратегически прекрасно соответствует подобному телеологическому взгляду на сущность истории и явно стремится исполнить именно эту миссию», создать «континентальное Царство Абсолютной

¹⁶ Панарин А.С. Россия в циклах мировой истории. М., 1999. С. 239.

¹⁷ Панарин А.С. Вызов (Геополитический пессимизм против цивилизационного оптимизма) // Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность. М., 2000. С. 88.

Идеи»¹⁸. Евразийская империя, «построение которой отвечало бы глобальной, планетарной цивилизационной миссии русского народа», мыслится как многоуровневое образование, «империя империй», «конфедерация Больших Пространств», среди которых выделяются четыре основных: Европейская империя на Западе, Тихоокеанская империя на Востоке (вокруг Японии), Среднеазиатская империя на юге (вокруг Ирана) и собственно Русская империя в центре Евразии (вокруг России). Помимо этого предполагается существование ряда других «Больших Пространств» – вокруг Индии и Китая, на основе арабского мира, а также панафриканский союз. Континентальная интеграция Евразии с центром в России может гарантировать ее народам реальный суверенитет. Цивилизационный выбор России в политике есть утверждение себя «особым изолированным человечеством». *Россия не должна сливаться с миром, пока мир не стал Россией.*

Современные правые («православно-монархические», «белые») традиционалисты тяготеют к органическому пониманию общества и нации (каждый народ для них – это соборный исторический организм). Поэтому распад СССР нередко воспринимается ими в духе И.А. Ильина как противоестественное расчленение органического целого. Так, по мнению В.Н. Осипова, географически и территориально СССР и Россия – это одно и то же, а «Беловежский сговор декабря 1991 года есть преступление, но не в смысле ликвидации незаконного, нелегитимного, сочиненного большевиками Советского Союза, а в смысле расчленения органически единого и неделимого 1000-летнего государственного организма»¹⁹. Постулируется сущностная несовместимость российской и евроатлантической цивилизаций. К примеру, Е.С. Холмогоров связывает противоположность западной и российской цивилизаций с тем, что в их фундаменте лежат различные типы действия – целерациональное и ценностно-рациональное (по терминологии М. Вебера). Основу западного капитализма, согласно Холмогорову, составляет целерациональное действие: субъект ставит перед собой четкую цель и стремится ее достичь, внешний мир и другие люди являются для него только лишь средствами. «Русская цивилизация строится на другом типе действия – ценностно-рациональном, для которого безусловная ценность, заданный высокий социальный идеал, имеет первенствующее значение над целью и задает рациональной структуре определенное смысловое, а не только целевое содержание»²⁰.

Правыми традиционалистами подчеркивается многовековое глубинное неприятие Западом России в двух ее ипостасях: «как равновеликой Западу в целом геополитической силы и исторической личности с всегда собственным по-

¹⁸ Дугин А.Г. Основы геополитики. М., 1997. С. 197–198.

¹⁹ Осипов В.Н. Русское поле. М., 1998. С. 119.

²⁰ Холмогоров Е.С. Русский националист. М., 2006. С. 251.

иском универсального смысла мироздания – препятствия на пути сокрушения многообразного мира, превращаемого сегодняшним мессианским проектом либеральной глобализации в культурную и экономическую провинцию англо-американского мира»²¹.

Геополитические установки современного социал-традиционализма, лозунгом которого выступает единство национальной власти и социальной справедливости, наглядно представляют работы С.Н. Бабурина, ключевая геополитическая идея которых — функционирование России в качестве создателя нового глобального порядка, в основу которого может быть положен принцип многополярного рассредоточения власти²².

Бабурин отмечает, что Россия практически никогда не была национальным государством в его классическом понимании, сразу сформировавшись как объединение разных этносов при двух скрепляющих стержнях: русском языке и православии. Отсюда выросло самоощущение русской (восточнохристианской) цивилизации (содержания общности) и русской империи (ее формы). Как и всякая цивилизация, русская не является замкнутой системой, она стремится через внешние дела (политику, экономику и, прежде всего, культуру и науку) нести свое мироощущение тем, кто вне ее²³. В XX в. историческая Россия дважды прошла через трагедию разрушения (1917 и 1991 гг.). После первого она сумела восстановить свои естественные границы; советский строй был особой цивилизацией, прошедшей за сравнительно короткий срок все циклы цивилизационного развития: от героического периода выдвижения нового социального идеала, через войны и период стабильности, – к «усталости, утрате веры и безвольному увяданию». В начале XXI в. мы имеем русскую цивилизацию, находящуюся в рассеянии.

Основным геополитическим понятием у Бабурина выступает «Русский мир», понимаемый как культурно-историческая общность, выходящая за рамки национальных государств и политических систем, основанную на отличной от других системе ценностей и интересов. С этих позиций пространство Русского мира определяется почти вся территория бывшего СССР, а также Сербия и Черногория (несмотря на произошедшую в этих странах смену элит). Политическим ядром Русского мира должно стать союзное государство России и Белоруссии, превращенное в из аморфного образования в дееспособный политический субъект, представленный в Совете Безопасности ООН, «великая держава, основанная на русской культуре и русском языке», способная отразить экспансию Запада и Востока, отвергающая глобалистическую унификацию. Как пи-

²¹ Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М., 2003. С. 214.

²² Бабурин С.Н. Мировой порядок как система обладания территориями // Наш современник. 2006. № 7. С. 217.

²³ Бабурин С.Н. Возвращение русского консерватизма. М., 2012. С. 14.

шет С.Н. Бабурин, Российской (русской) имперской идее присущ сложный комплекс религиозно-идеологических представлений об эсхатологическом смысле и предназначении российской государственности. Имперский подход означает не только сильную власть, но и власть справедливую, при которой каждому человеку гарантируются все возможности для всестороннего развития и достойной жизни. Не за счет других людей, а вместе с ними²⁴.

Заключение

Таким образом, геополитический идеал российской национальной мысли претерпел некоторую трансформацию по мере изменения исторической ситуации и государственной эволюции. Вместе с тем его сущностные черты за последние более чем полтора века остались прежними. Фундаментальным принципом выступает защита своего геополитического пространства от давления атлантической цивилизации ради реализации модели справедливого социального устройства, национального освобождения и нравственного преображения человечества.

Современная национально-ориентированная геополитическая мысль, по сути, вся проникнута убеждением о том, что в противостоянии с глобалистским диктатом традиционные – деспотические или олигархические – режимы, опирающиеся на прежние формы государственности и практики социального управления, обречены на поражение в информационно-идеологической и технологической войне. Эффективно сопротивляться западнистской гегемонии в принципе может только государство, крупное по занимаемому пространству и численности населения, ориентированное на заповеди национально выраженной абсолютной морали, строящее на ее основе политическую и правовую деятельность, обладающее самостоятельной идеологией и стратегией развития на базе национальной идеи, чуждое коррупции и олигархизации. Следовательно, существование России в будущем возможно только в качестве государства с имперскими чертами, отличающегося как от средневековых империй Востока и европейских колониальных держав Нового времени, так и от «империи наоборот» – СССР. Ведь, несмотря на произошедшую геополитическую катастрофу, и в настоящее время Россия остается континентальной силой, самостоятельным субъектом мировой политики, играющим роль геополитического балансира на просторах Европы и Азии. «Судьбы нового противостояния века вершатся в России, – отмечал А.С. Панарин. – Не только потому, что Россия – обладатель самой большой в мире территории, ресурсы которой не дают спать глобальным приватизаторам. Россия – и обладатель самой духовно возвышенной, благородной и целомудренной культурной традиции, не сломив сопротивление которой

²⁴ Там же. С. 20.

население евразийского хартленда нельзя превратить в человеческую массу, лишенную настоящего достоинства»²⁵.

Можно констатировать наличие в российском теоретическом общественном сознании наличие геополитического сознания как особой его формы. Российское геополитическое сознание объединяет традиции и подходы как классической геополитики, так и геополитики новой (геоэкономики) и новейшей (геофилософии/геоидеологии). «Стержнем» этого сознания выступает убеждение в том, что исторический опыт существования Российской цивилизации показывает, что ее геополитические достижения и победы совершались при наличии четко определенных, последовательных задач, в свою очередь опирающихся (прямо или косвенно) на национальную идею метафизического уровня, разделяемую как властью, так и народом; иными словами, российская геополитика всегда была идеократична. В таких случаях Россия подчас выигрывала даже при невыгодном для нее соотношении потенциалов (военного, экономического, демографического) по сравнению с геополитическими противниками. Напротив, неудачи и поражения, военные и дипломатические, сопровождали Россию почти всегда при отсутствии таковой либо при ее дискредитации, даже в ситуации преимущества или равенства сил, ибо «внеациональная безидеологичность» приводила к полному противопоставлению ценностных установок общества и власти и (в условиях глобальной борьбы мировоззрений) дезориентации и неотвратимой духовной деградации последней. Отсюда проистекает видение геостратегии современной России как долгожданного цивилизационного форматирования в смысле «модернизационного возвращения к истокам».

Политически и экономически – это реформирование в рамках проекта нравственного государства справедливости – нового варианта «мобилизационной модели» с учетом объективных интересов большинства²⁶. Заданный воссоединением Крыма антизападный политический вектор не может держаться вечно без реализации выверенной стратегической схемы внутреннего социально-экономического развития.

Идеологически геополитическое восстановление должно опираться на тезис о том, что расширение Российского государства объективно отвечало интересам безопасности проживавших на евразийских пространствах этносов. Его территориальный рост был обусловлен потребностями организации системы стабильной и безопасной хозяйственной деятельности, включения в мировые производственно-экономические связи. В целом он также отвечал потребностям духовного развития входивших в него народов через приобщение их к мировым ценностям посредством великой русской культуры.

²⁵ Панарин А.С. Стратегическая нестабильность. М., 2003. С. 345.

²⁶ Подробнее см.: Тяпин И.Н. Нравственное государство как государство справедливости: штрихи к концепции // Философия права. 2016. № 6.

Геополитическая *задача минимум* – интеграция постсоветского пространства. Вероятным начальным (требующим только минимальной политической воли) шагом может быть «конфедерация Русь» в составе Российской Федерации, Белоруссии и Новороссии (хотя бы в пределах сегодняшних ДНР и ЛНР). Сохраняя базовые элементы государственного суверенитета своих составных частей, конфедерация могла бы иметь *публично действующие* координирующие органы, оригинальную символику, общую денежную единицу, а также выступать единым субъектом в таких областях, как культура и спорт. Необходимо использование различных форм контроля над пространством бывшего СССР, внятное дипломатическое признание пророссийских автономий (Приднестровье, Абхазия, Южная Осетия), реальная поддержка русских диаспор в Прибалтике, Украине, Казахстане, Средней Азии, обсуждение с руководством стран-членов ЕАЭС их русофобской идеологической политики, регулирование миграции из Ближнего и Дальнего Зарубежья.

Задача среднего уровня – формирование очагов геополитического контроля в пространстве Восточного и Западного полушарий (Латинская Америка: Куба, Венесуэла, Ближний и Средний Восток). Здесь очень важно: а) по возможности расшатывать единство организации геополитических противников (например, ЕС), пользуясь их реальными проблемами и противоречиями; б) укреплять отношения с теми странами, которые не позволяют «замкнуть кольцо» – Ираном, Индией, Китаем, Сирией, Вьетнамом и др.

Задача максимум (которую не решить без первой и второй задач) – объединение Евразийской, Африканской, Исламской, Индостанской и Дальневосточной цивилизаций в единый Евразийский континентальный блок для восстановления межцивилизационного баланса.

Список литературы

1. Аксенов К.Э. Идеи Л.Н. Гумилева и современная российская геополитика // Этнографическое обозрение. 2006. № 3. С. 44–53.
2. Бабурин С.Н. Возвращение русского консерватизма. М.: Институт русской цивилизации, 2012. 832 с.
3. Бабурин С.Н. Мировой порядок как система обладания территориями // Наш современник. 2006. № 7. С. 202–224.
4. Гердт Я.В. Истоки российской геополитики // Евразийский журнал региональных и политических исследований. 2012. № 12. С. 26–30.
5. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб.: Глаголь, 1995. 552 с.
6. Дугин А.Г. Основы геополитики. М.: Арктогея, 1997. 608 с.
7. Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. Кн. 1. Наши задачи. М.: Русская книга, 1993. 496 с.
8. Клименко А.Н. Влияние идеи «Москва – Третий Рим» на российскую геополитику XIX – XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2014. 24 с.

9. *Леонтьев К.Н.* Храм и Церковь. М.: АСТ, 2003. 636 с.
10. *Макеев А.В.* Геополитический путь России в координатах безопасности // *Пространство и время*. 2010. № 2. С. 107–116.
11. Мир России – Евразия: антология / Сост.: Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. М.: Высшая школа, 1995. 399 с.
12. *Молотков А.Е.* Миссия России. Православие и социализм в XXI веке. СПб.: Русский остров, 2008. 395 с.
13. *Морозов Е.Ф.* Последний фельдмаршал // *Русский геополитический сборник*. 1997. № 2. С. 34–38.
14. *Нарочницкая Н.А.* Россия и русские в мировой истории. М.: Международные отношения, 2003. 536 с.
15. *Осинов В.Н.* Русское поле. М.: Десница, 1998. 170 с.
16. *Панарин А.С.* Вызов (Геополитический пессимизм против цивилизационного оптимизма) // *Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность*. М., 2000. С. 80–94.
17. *Панарин А.С.* Россия в циклах мировой истории. М.: МГУ, 1999. 288 с.
18. *Панарин А.С.* Стратегическая нестабильность. М.: Алгоритм, 2003. 560 с.
19. *Работяжев Н.В.* Историософия и геополитика российского консерватизма: опыт анализа // *Полития: анализ, хроника, прогноз*. 2007. № 2. С. 103–116.
20. *Семенов-Тянь-Шанский В.П.* О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк по политической географии // *Пространственная экономика*. 2008. № 2. С. 144–160.
21. *Тяпин И.Н.* Нравственное государство как государство справедливости: штрихи к концепции // *Философия права*. 2016. № 6 (79). С. 57–62.
22. *Фадеев Р.А.* Мнение о Восточном вопросе. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/Ф/fadeev-rostislav-andreevich/kavkazskaya-vojna/6> (дата обращения: 29.04.2017 г.).
23. *Фурсов А.* Русский ковчег. Известный историк о будущем России // *Завтра*. 2007. №5.
24. *Холмогоров Е.С.* Русский националист. М.: Европа, 2006. 432 с.
25. *Цымбурский В.Л.* Геополитика как мировидение и род занятий // *Полис: политические исследования*. 1999. № 4. С. 7–28.
26. *Шестаков С.А.* Политический консерватизм в постсоветской России. М.: Прометей, 2003. 168 с.
27. *Якунин В.И., Зеленев В.И., Зеленева И.В.* Российская школа геополитики. СПб.: СПбГУ, 2008. 367 с.
28. *Mackinder H.* The Geographical Pivot of History // *Geographical Journal*. 1904. Vol. 23. Pp. 421–437.